

Элина Наумова

ВСЁ
НАЧАЛОСЬ,
КОГДА
ОН
УМЕР

Двигайтесь! Удача и счастье даже
в сказках не навещает лежебок.
Удачу и счастье надо искать,
за ними надо охотиться.

Ваша Э. Наумова

Госпожа удача

Эллина Наумова

Всё началось, когда он умер

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Наумова Э. Р.

Всё началось, когда он умер / Э. Р. Наумова — «Эксмо»,
2017 — (Госпожа удача)

ISBN 978-5-699-98871-6

Да, именно тогда всё и началось, когда умер любовник Кати Трифоновой. Обслуживая вызовы пациентов на вверенном ей участке, юная медсестра познакомилась с симпатичным пенсионером. Для провинциалки, приехавшей покорять столицу, это был шанс. Но смерть спутала все планы: квартира усопшего досталась государству. А Кате – ворох проблем. Главная из которых – охотники за телефонной книгой ее любовника...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98871-6

© Наумова Э. Р., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Часть 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Эллина Наумова
Всё началось, когда он умер

Художественное оформление серии, иллюстрация на переплете *Марины Павликовской*

Часть 1

Когда он умер

1

У заведующей терапевтическим отделением Ангелины Ивановны Новиковой в ее сорок лет был такой жизненный и профессиональный опыт, такой милый кабинет с кондиционером в новом здании поликлиники, такая независимость от размера должностного оклада благодаря богатому мужу, что она могла позволить себе любить больных. Ангелина Ивановна жалела их до невольного закипания слез в переносице и обследовала как родную маму. Поэтому обижалась, если виновники ее душевного трепета сдерживали подобающее ответное чувство. А именно – не восхищались женщиной, которая мудро корректировала дозы прописанных докторами лекарств и щедро продлевала больничные листы на достаточные для выздоровления сроки. Ни денег, ни подарков Новикова не брала. Но искренняя улыбка, живой блеск глаз и несколько трогательных слов признательности делали Ангелину Ивановну счастливой. И тогда любой попавшийся ей на глаза сотрудник бывал заинтересованно расспрошен о житье-бытье, похвален авансом и прощен за прошлые ошибки.

Но случалось, какой-нибудь относительно молодой, здоровый и самоуверенный болван принимал заботливую обходительность Ангелины Ивановны как должное. Он полагал, что она нанялась любить всех без исключения пациентов. Особенно тех, кто жрет, пьянствует, курит и валяется на диване, вместо того чтобы оторвать от него зад и растряссти немного. А потом как ни в чем ни бывало является и жалуется на все и ни на что. Он считал, что заведующая обязана этакой крепостной бабой не замечать ни хмурого барского, то есть болваньего, чела, ни спешки при получении ее подписи на нужной справке, ни пренебрежения к ней лично и к медицине в целом. Ангелина Ивановна чувствовала себя подло обманутой и равнодушно брошенной. Ей начинало казаться, будто она унижалась. И пока мучительные обострения хронических недугов не научили каждого нахала благоговейному отношению к такому, как она, врачу, Ангелина Ивановна была обречена на искренние страдания. И все отделение на собраниях расплачивалось за то, что очередной жестоко простуженный бодрячок отказал Новиковой в симпатии.

Ибо, помявшись и проанализировав свою безупречность, Ангелина Ивановна начинала искать виновных. По карточкам. Если расстроивший ее больной явился, к примеру, от терапевта Клуниной и медсестры Трифоновой, они и объявлялись низкопробными специалистами и лишенными обаяния, да чего там, облика человеческого, тварями. Ведь всех пациентов Ангелина Ивановна кротко именovala страждущими и неустанно вдалбливала персоналу, что муки их можно либо облегчить, либо усугубить. Вот Клунина с Трифоновой и зверствовали по мере сил в своем двадцатом кабинете. А чем же они еще могли там заниматься, если от одного их вида, от звуков голосов занемогшему человеку не становилось лучше?

Что-то в таком методе работы Новиковой с женским коллективом, бесспорно, было. Многие врачи и медсестры из кожи вон лезли, чтобы потрясти маринованную в скепсисе душу пациента до мистических глубин. Глядишь, не расстроит чувствительную начальницу. Словом, полюбит больной Ангелину Ивановну или нет, очень зависело от тружеников вверенного ей отделения. Только Клунина и Трифонова по тупости или злонамеренности не исповедовали религии личной ответственности за настроение руководящей ими Новиковой. Но во взаимной любви с сотрудницами Ангелина Ивановна не нуждалась. По этой причине очередное утреннее совещание началось с безоглядной критики ослушниц.

– Что вы вытворяете? – холодно спросила Ангелина Ивановна. И сразу разгорячилась: – Что позволяете себе вы, представительницы гуманнейшей профессии, солдаты переднего, участкового фронта нашей медицины?

– Я капитан медицинской службы, а вы меня прилюдно разжаловали в рядовые, коллега, – возмутилась хрипловатым, но приятным голосом Анна Юльевна Клунина.

Как все врачи, ставшие администраторами, Новикова с трудом переваривала старинное обращение «коллега». Тридцать человек этих самых «коллег», приветливо улыбаясь, желали ей подавиться и нетерпеливым жестом холеной руки распустить их по рабочим местам.

Анна Юльевна повернула непокорную голову к окну. В этот ранний час она выглядела свежей и веселой. После приема измотанная и постаревшая врач Клунина умоется холодной водой, достанет косметичку, медленно обрисует помадой губы, поправит самодельную незатейливую, но аккуратную прическу и, сосредоточив взгляд на носках своих легких и прочных туфель на низких каблуках, обойдет участок. А если возникнет «производственная необходимость», и два участка. Она приготовит чай для парализованной матери двух чистоплотных, но по-юному легкомысленных дочек, сделает укол антибиотика грудной внучке затемпературившей бабушки, измерит давление старухе, вот уже двадцать лет вызывающей ее в дни невыносимого одиночества. Завтра, при так называемом активном посещении, она выложит на ветхий кухонный стол обычный набор продуктов – молоко и батон. Бабулька, у которой, кроме души, никогда ничего не болело, обнаружит подарки, всплакнет и поужинает. А Анна Юльевна рассмешит девочек из регистратуры телефонным звонком: «Лютик, я Ромашка, жду указаний Центра. Шифр прежний, прием».

У Анны Юльевны Клуниной романтических отношений с пациентами никогда не получалось. Она ненавидела скандалистов. Презирала наглецов, которых жизнь не обучила скромности. Не жаловала нерях, обжор, пьяниц, лентяев. И терпеть не могла невежественных и чванливых зануд. А таковыми в той или иной степени были все. Какая уж тут романтика. Она слыла строгим, немногословным и умным доктором даже среди несимпатичных ей пациентов.

Анна Юльевна давно оставила попытки угождать и нравиться всем, хотя в молодости старалась. Она уже умела признавать вслух и исправлять неизбежные в ее адской работе ошибки. Но предъявлять ей претензии никому не разрешала. Ценила себя высоко, а от подношений и угодливых комплиментов брезгливо отмахивалась: «Вы не развлечение мое, а дело». В этом деле она не позволяла себе небрежности. И Кате Трифоновой тоже.

Катя попала к Анне Юльевне сразу после медучилища и прижилась в двадцатом кабинете на целых пять лет. Когда-то начинающему доктору Клуниной смеха ради дали в помощники медбрата, от совместного служения с которым отказались все матерые жрицы участковой медицины. Парень собирался через полгода в армию, потом хотел поступать в институт и любыми способами отлынивал от своих обязанностей. Анна Юльевна не принуждала его приходить вовремя, не засаживала надолго за документацию, даже на выдаваемые приятелям освобождения от занятий смотрела сквозь пальцы. А в армии юношу зверски убили другие юноши. Чем-то он им не понравился. Поохав вместе со всеми, Анна Юльевна уединилась, тоскливо поразмышляла и решила, что виновата в его гибели. Может быть, гоняй она его, как положено, ругай, допекай упреками в нерадивости и угрозами пожаловаться начальству, мальчик бы привык строже относиться к себе и осмотрительней к людям. «Нет, – успокаивала она себя, – ты славная, ты дала ему напоследок пожить беззаботно». Тогда-то Анна Юльевна и поняла, что охотнее всего люди лгут сами себе. Она его не любила, он раздражал ее самоуверенностью и недисциплинированностью. Однако баловала. Потому что тоже опаздывала, выручала друзей больничными, ловчила с отчетами. А парень все видел, был остер на язык, и ввязываться в его перевоспитание рискнул бы лишь кристальной честности человек. С тех пор Анна Юльевна сама работала как проклятая и другим спуску не давала.

Катя приняла ее условия без возражений. У девушки была единственная слабость – она любила мечтать вслух о платной медицине, огромной зарплате, пятичасовом рабочем дне и немедленном одномоментном пробуждении совести во всех захворавших. «Не бывает постоянно плохо», – подбадривала она Анну Юльевну, сникшую после разговора с алкоголиком, который желал «починить ужасно мучительную печенку», но не собирался внимать запрету на спиртное. «Одно с другим не связано», – уверял он докторицу после того, как та прочитала ему страстную лекцию о циррозе печени.

– Нам за таких миллиард надо платить, да ведь, Анна Юльевна? – ловко седлала своего норовистого конька медсестра. – Но вы не грустите. Вот увидите, заглянет к нам еще сегодня кто-нибудь интеллигентный и с чувством юмора. А вдруг принесут коробку шоколадных конфет, огромную, как позавчера. Вы отказались, так дяденька мне ее отдал. Все равно же купил уже. Вы зря их гоните с приносом. Люди, кто благодарит от души, обижаются, между прочим.

Этим Катя Анне Юльевне и нравилась: посмеяться на голодный желудок или объесться дареными сладостями – ей все одно. Анна Юльевна нравилась Кате. И она, как и Анна Юльевна, считала, что «больные наши по месту своего жительства, мы их по месту своей работы. И надо не выпендриваться друг перед другом, а уживаться».

Ужиться со всеми казалось Кате более достойным и правильным, чем возлюбить всякого по требованию Ангелины Ивановны Новиковой. И Катя Трифонова однажды храбро дала понять заведующей отделением, что предпочитает подчиняться непосредственному своему руководителю Анне Юльевне. А кто сверх нее, тот от лукавого. У Новиковой окаменело лицо. Она принялась мысленно перебирать значения слова «непосредственный», а потом разбивать его на приставки, корень, суффикс и окончание, только бы не слушать разглагольствования этой соплюхи.

– Мы с доктором Клуниной в одной связке на склоне горы, а руководство – внизу в базовом лагере. Анна Юльевна, конечно, главная, но от меня тоже зависит по работе, – заявила Катя.

– Слушай, альпинистка... – успела процедить заведующая.

Но Трифонова выразила протест против чинопочитания – повернулась к ней спиной и ушла. Оскорбленная Ангелина Ивановна решила показать, кто тут от кого зависит. И демонстрации ее день ото дня становились нагляднее. Откуда Кате было знать, что в первые же часы вступления в должность Новиковой донесли: «Клунина так бредила вашим местом». Катя сочла бы это клеветой на Анну Юльевну. И ошиблась бы.

Уходя на пенсию, предшественница Новиковой обняла за плечи способную любимицу:

– Ну, Анечка, готовься к назначению. Я свое мнение главному врачу изложила. Мое хозяйство можно оставить только на тебя.

Счастливая дама – прожила больше полувека и не догадывалась, что мнение пенсионерки никого не интересует!

Анна Юльевна, двадцать лет добровольно и с удовольствием отдававшаяся врачеванию, изредка изменявшая ему с мужем и с когда-то давно и недолго бывшим у нее любовником-невропатологом, сочла себя достойной повышения. О том, что еще семь наложниц из гарема султанствующего общественно-полезного труда размечтались о том же, она и не догадывалась. Вскоре, однако, начали шептаться о начальнице со стороны. Анна Юльевна впервые сделала для себя на работе нечто хитроумное и не очень совместимое с ее чистыми привычками. Она мягко предлагала благодарившим ее пациентам пройти два шага до регистратуры, взять книгу отзывов и записать свои устные похвалы. Надо признать, что девять из десяти восклицали: «О, разумеется, сию минуту, всенепременно», решительно выходили в коридор, а потом на улицу. И лишь один из них оставлял краткий автограф на прошитом и пронумерованном листе. Анна Юльевна точно знала, что эта книга – единственное чтиво главного врача. Вероятно, он частенько брал ее в руки, потому что, встретив Анну Юльевну, улыбался и хвалил:

– Замечательные результаты, доктор. Народ вами доволен.

Вскоре тем же счастливым тоном он приказал Клуниной помочь адаптироваться в коллективе заведующей отделением Ангелине Ивановне Новиковой. Анна Юльевна повиновалась.

Через пару недель в кабинет ворвалась ошалевшая от радости Катя:

– Доктор, доктор, простите меня, дуру набитую! Я ведь не понимала, зачем вы с больных эти подписки, то есть благодарности, собираете. Я уж не знала, что и подумать. А вы гений, Анна Юльевна, с вами не пропадешь!

– Что случилось? – спросила неудачливая интриганка.

– Да премию нам с вами выписали в три раза больше, чем всем остальным. Главный с новой заведующей решили поощрить нас за сплошные восторги излеченной публики, покончить с уравниловкой. Анна Юльевна, миленькая, мне позарез деньги нужны. Спасибо вашей светлой голове, теперь выкручусь из долгов.

«Нет худа без добра», – подумала Анна Юльевна, и ей стало противно.

С тех пор прошло два года. И если бы не эти безумные совещания, участковый врач Клунина снова была бы всем довольна. Она посмотрела на Новикову и неприязненно отметила про себя: «Как покраснела эта блатная карьеристка с ранним климаксом. Что ей опять от нас с Катей нужно?»

– Доктор Клунина, вы меня слышите? У вашей медсестры совершенно отсутствующий вид. Трифонова, не спи, а отвечай. Ты разослала пациентам приглашения на флюорографию?

– Да, – победно признала факт Катя.

– Всем кому положено?

– Да.

– Ни один с вашего участка не явился. Ты интересовалась у рентгенологов? Спрашивала?

– Нет.

– Мне что, снова читать лекцию о туберкулезе? О профилактике? О милосердии? О необходимости поддерживать здоровье несчастных наших стариков?

– Не надо, – взмолилась Катя. Но не выдержала, вскочила: – Ангелина Ивановна, мы ведь приглашения рассылаем, а не повестки в суд. Нельзя же насильно притащить людей на флюорографию.

Женщины в белом согласно закивали.

– Анна Юльевна, – сменила объект нападения заведующая, – вы мало разговариваете с пенсионерами. Когда идете по участку и видите пожилой контингент на скамейках у подъездов, остановитесь на минуту, убедите в необходимости обследования.

Клунина промолчала, брезгливо скривив губы.

– Трифонова, – не унялась заведующая, – немедленно отправляйся и собственноручно опусти записки в почтовые ящики.

– Я не начну прием без медсестры, – спокойно предупредила Анна Юльевна.

– Начнете. И не только вы. Медсестры отстающих третьего и седьмого участков тоже двинутся в командировки. А ультиматумов не надо. Лето, жара, пятница, поликлиника пуста, даже вызовов пока нет.

У Анны Юльевны был выбор – устроить скандал и оставить Катю помогать делать отчет или не проронить ни слова и одной возиться с бумажками в кабинете. Пока Ангелина Ивановна вещала о каких-то сравнительных данных, Клунина разглядывала Катю. Высокая, худая девушка с блекло-голубыми глазами, светлыми волосами и тонкой кожей без румянца. Косметикой не пользуется. Причесана кое-как. Ее одежда явно не прочь познакомиться с молодым современным уютом без вредных привычек. К началу второй смены прибегает модненькой и ухоженной, а утром – чучело чучелом. Вон Вера тоже живет в общежитии, получает столько же, а такая всегда подтянутая, отглаженная, накрашенная – загляденье. И халат на ней неделю не мнется, не пачкается. А Катин за час из крахмального, белоснежного превращается в какую-

то серую тряпку. Станет эстетически приемлемая, но туповатая Вера главной медсестрой лет через пять. А растрепанная неглупая Катя будет у нее на посылках. И никогда не поверит, что внешний вид характеризует достаточную для служебной карьеры часть внутреннего мира.

В молодости Анна Юльевна сама не слишком следила за внешностью. «Предпочитала естественность, играла честно», а в действительности не успевала с двумя маленькими детьми. Да и денег всегда не хватало на одежду и обувь. Клунину впору было жалеть, но жалость в отличие от зависти люди умеют скрывать виртуозно. Ей тогда приходилось много и остроумно говорить, чтобы создать о себе близкое к правильному впечатление. Чтобы скучный и дешевый ее гардероб не вводил никого в искушение отказать ей в блестящих перспективах.

Вместе с Анной Юльевой в поликлинику после института распределилась Лена Беликова, терапевт от бога. У нее была фантастическая интуиция – почти всегда полный и верный диагноз она ставила по ходу перечисления больным жалоб не только на собственные недомогания, но и на соседей, родственников и вообще судьбу. Да, еще напряженно и внимательно разглядывала пациента в процессе этого плаксивого нытья.

Лена была дочкой сановного папы, которому зачем-то было надо, чтобы она начала карьеру на участке. Но талантливая девочка быстро стала женой сановного мужа и с радостью бросила медицину на произвол ее противоречивой судьбы. Кажется, и двух лет не работала. Но по сей день не встретила Анне Юльевне женщина, умеющая так стильно и красиво одеваться, так легко выносить бремя богатства на хрупких плечах. Из-за Лены Беликовой Анна Юльевна проревела однажды ровно сутки. Началось с того, что молодые медсестры, которые обожали дружить с молодыми врачами, очень по-разному относились к двум выпускницам. Анна Юльевна им явно нравилась. Девочки водили к ней родных и знакомых с насморком и ангиной, просили займы денег, хвастались обновами. Таков порядок вещей: они были почти ровесницами, а высшее образование считали делом наживным. Ведь нет медсестры, которая хоть раз не провалилась бы на вступительных экзаменах в медицинский институт. Анна Юльевна радовалась, что слывет добрым, порядочным человеком и хорошим врачом.

С Беликовой сестры милосердия отрабатывали ту же программу. Но об осмотре любимой тети умоляли, деньги занимали покаянным шепотом, купленные вещи показывали робко и млели до обморока в ожидании оценки их работы. «Подхалимки», – злилась Анна Юльевна и убеждала себя, что дело в российской привычке раболепствовать перед каждым, кто богаче и кому до тебя дела нет. Но все было не так: врачи и сестры постарше из-за семьи Лену ненавидели и были с ней не очень приветливы. Дошло до того, что медсестры стали с Анной Юльевой сплетничать об облике и гардеробе Лены.

Мечта примерить синюю Ленину блузку была общей мечтой. Желание купить что-нибудь из позапрошлогодних вещей за любую цену становилось манией. И однажды Лена уступила просьбам представительниц низшего социального слоя. Она отдала в химчистку, а потом принесла в поликлинику несколько надоевших ей кофт, брюк и юбок. Попыталась раздарить их, но девочки сочли святотатством бесплатное прикосновение к такой одежде. В итоге все было распродано по немыслимой дешевке. А собранные деньги Беликова бросила в общую копилку на чай и суши, чем растрогала молодняк окончательно.

Сестрички немедленно облачились в обновки, но даже если эти наряды отлично на них сидели, сходства с прекрасным щедрым кумиром у девушек не было. Однако и это лыко идеально вплелось в строку их лапотного восхищения Леной Беликовой. Анна Юльевна, доведенная сценой примерки до приступа неврастения, не выдержала и завопила: «Почему?» И девочки убедительно втолковали ей причину столь спокойного отношения к ее добросердечию и столь трепетного – к Лениному.

– Не в шмотках же дело. Поймите, она могла вообще не снизойти до нас, вместо мебели использовать, и никто не осмелился бы упрекнуть ее за это. А развоображайся вы? С какой стати? Вам пришлось бы или вписаться в наш коллектив, или уволиться.

Анна Юльевна оглянулась. Вон они сидят, постаревшие, но бдительно следящие за базарной модой Сидорова с Евгеньевой, две оставшиеся из шести. Остальные куда-то поступили и что-то окончили. А эти все продолжают подгонять под коллектив новеньких. Катя с ними не ладит. Впрочем, Анна Юльевна уже давно выглядит ухоженной и элегантной. Поняла тогда с их помощью, что встречают по одежке, а провожают по уму, но на пенсию. Да и много чего еще поняла.

Катя Трифонова начала закатывать рукава халата. То ли в рукопашную с Новиковой собралась, то ли давала понять Анне Юльевне, что остается пахать с ней. А Анна Юльевна Клунина, глядя на девушку, думала: «Соскочила, поди, с кровати, плеснула в общей умывальной воды в лицо, надела, что попало, и понеслась заспанная на работу, даже не позавтракала. И на щеке еще след от подушки не исчез. Несуразная она все-таки», – против воли разулыбалась Анна Юльевна.

– Екатерина, – шепнула врач медсестре, – иди-ка ты по пенсионерам. Съешь что-нибудь перед дорогой. А на обратном пути купи мне бутылку минералки, ладно?

Катя удивленно посмотрела на Анну Юльевну, что-то проворчала, недовольно кивнула, но потом скорчила счастливую гримаску. Неожданная прогулка ясным летним утром – славное мероприятие.

2

Андрей Валерьянович Голубев поднялся рано и сразу вынул из холодильника магазинные котлеты. Всегда покупал их в «Кулинарии» на углу и не одобрял создания похожих отделов в супермаркетах. Говорил: «Не приживутся. Выбору еды способствуют маленькие уютные помещения, где ничто не отвлекает от вопроса: блинчики, котлеты или голубцы?»

Полуфабрикаты он считал великим изобретением – и кухонной возни немного, и дома пахнет едой, то есть жизнью. В детстве, когда прибежал со двора, проголодавшийся после бурных мальчишеских развлечений, мил ему был невесомый запах жареного мяса. О, как мощно он просачивался на лестничную клетку и привлекал к двери пару гордых вольных кошек. Мелких родственников леопардов Андрюха отпихивал ногой, а одна зверушка всегда укоризненно шипела, тщетно сопротивляясь и напрягая мускулистое тельце. Но потом обе возвращались к порогу и вдыхали пьянящий аромат, не рассчитывая уже на угощение.

В юности Андрей как-то пробовал поститься, выдержал день, но к вечеру впал в лютую тоску: ненавидел себя, признавал грехом каждый свой вдох и выдох, бормотал о непростительности такой жизни и каменел от безысходности. Отец спросил, что с ним. Сын рассказал, каким ничтожеством себя чувствует. Тогда папа вздохнул, скрылся в кухне и минут через двадцать вернулся с тарелкой ароматных пельменей. Приказал немедленно съесть. Андрей устало повиновался. Еще через десять минут он подумал, что далеко не идеален, но ведь не злодей, что Бог создал все и всех так, как создал, а уж Он точно знал, что делал. Желудок наполнился, на душе стало необыкновенно легко.

А однажды давно осиротевший Андрей Валерьянович возвращался предпраздничным вечером в свое заброшенное холостяцкое жилье. Был он крепко пьян и слабо сыт. Унылому гуляке оставалось преодолеть один лестничный пролет, чтобы рухнуть на тахту и забыться. И тут на него повеяло шашлычным духом. Андрею Валерьяновичу захотелось поскрестись в соседскую дверь и попросить самый маленький вкусный кусочек. Экие незатейливые мысли впархивают иногда в нетрезвую голову! Правда, жалко соседям, что ли? Он же не в гости до утра собирался набиваться. Не на водку чужую посягал. Тогда он вспомнил, как мальчишкой отпихивал кошек, неодобрительно оглядел свои ноги и заплакал. Со слов случайно задетой локтем трамвайной попутчицы Андрей Валерьянович знал, что сейчас у него «красная бесстыжая рожа». И по ней плавно текли слезы. Более того, они торжественно и важно скатыва-

лись в пропасть за краем подбородка, будто понимали, что оставляют создавшего их человека, представляя единственное интересное «нечто» в нем. Глупые, наглые капли, которым дела не было до причин своего возникновения.

Пьяные плачут над тем, что за секунду до того, как зашекотало в носу и глазах, почудилось им в себе. Они скорее играют, следуя прихоти воображения, которому свойственно комбинировать давно минувшие и недавние события, чем действительно горюют или обижаются. Внешнее обстоятельство может быть незначительным. Поэтому пьяные слезы, являющиеся по существу творческим актом, презируются и высмеиваются трезвенниками. И этих людей легко понять. Плакать – святое право больного, терпящего бедствие, кающегося, наконец. А тут алкаш кощунственно пародирует сложный рефлекторный процесс и смеет претендовать на сочувствие, а то и помощь. Да любой мог сказать Андрею Валерьяновичу: «Какое мясо, какие кошки, у тебя одного, что ли, мать покойница отменно готовила, ты один, что ли, непоправимо повзрослел в безбожии? Не позорься, иди проспись». Но тогда никакого любого рядом не случилось, и защищать авторские права на рыдания в кулачном бою не пришлось. Как водится, после слез Андрей Валерьянович слегка протрезвел и стал подниматься по лестнице. Возле его двери сидел забавный рыжий кот.

– Дурной ты? – изумился Андрей Валерьянович. – Этажом ниже надо пребывать. Там хоть надежда есть.

Сказав зверю слово «надо», человек понял, что теперь долго не сможет себя уважать. «Ты, котяра, обязан хотеть того же, чего другие хотят от тебя. Это есть цель и воспитания, и дрессуры», – смущенно усмехнулся Андрей Валерьянович, исследуя ключом труднопроходимую скважину замка. Когда дверь открылась, грязный пушистый бродяга вошел в квартиру первым. Андрей Валерьянович заставил себя нажарить рыбы, которую уже собирался выбрасывать из морозильника. И с того вечера приноровился готовить коту. И себе. Его снова стало тошнить от столовской еды. И снова по вечерам стало тянуть домой. Кот же через пару недель запросился на улицу и больше не вернулся. Теперь Андрей Валерьянович был почти уверен, что красавец с томными глазами цвета меди померещился ему спьяну.

Пришла пора переворачивать котлеты. Из одной из них горячо плеснул красный сок. Андрей Валерьянович удовлетворенно прикрыл сковородку крышкой. Кофе он уже сварил. Осталось налить его в чашку, взять сигарету и дожидаться завтрака. И тут раздался звонок в дверь. Андрей Валерьянович отворил, не взглянув в глазок. Он часто забывал любопытствовать, кто пожаловал. Незнакомая растрепанная девушка огорошила его словами:

– Пахнет из вашей квартиры вкусно.

«Нормально, – подумал Андрей Валерьянович, – теперь молодым и напиваться не надо, чтобы зайти позавтракать. Аромат понравился – вперед!» Андрей поколебался и молча отступил в прихожую.

– Мясо жарите? С утра? – не унималась незнакомка. – А холестерин? А давление? Думаете, не беречь здоровье – смелость? Нет, это по-другому называется.

– Входите, гостей будете. А то, знаете, одному и котлета в горло не лезет. Но есть, есть еще люди, неужержимо стремящиеся на запах.

Девушка, однако, продолжала нести чушь:

– Почему у вас почтовый ящик не запирается?

Растерявшийся Андрей Валерьянович испытал нечто, похожее на приступ трусости, и отчитался:

– Я покупаю газеты в киоске. Но если вам часто будут присылать письма, извольте, сегодня же приобрету и прилажу замок.

– Вы, Голубев, какой-то странный. Как мои письма могут попасть в ваш ящик? В карточке вашей особых отметок нет, но надо бы с Анной Юльевной посоветоваться.

– Ах, вы из поликлиники, – засмеялся Андрей Валерьянович.

– Приятно, что вы знаете участкового врача по имени и отчеству, – одобрила девушка. И вдруг завопила: – Горят, горят же ваши хваленые котлеты!

Андрей Валерьянович, не имевший привычки рекламировать свою стряпню и немного обиженный эпитетом «хваленые», ринулся в кухню. Но девушка его опередила. Выключив газ и заглянув под крышку, она утихомирилась:

– Все в порядке.

Андрей Валерьянович сообразил, что девчонка голодна, как все бездомные кошки вместе взятые.

– Раз уж вы спасли еду, половина ваша по справедливости.

– Нет, благодарю, – отвергла приглашение посланница Анны Юльевны. И с отчаянием в голосе пояснила: – Я на работе. Я опускаю в почтовые ящики вызовы на флюорографию. А ваш ящик открыт. Дай, думаю, лично вручу. Ведь кто-нибудь из озорства вытащит, вы не явитесь, и нам с доктором опять влетит от заотделением. Вы не представляете, как муторно выслушивать ее нотации!

– Пока объясняете, мы могли бы и поесть, – строго сообщил Андрей Валерьянович, который терпеть не мог разогретой еды и прямо-таки ощущал себя медленно остывающей котлетой.

– К слову, мне и Анна Юльевна велела перекусить, – вспомнила девушка. – Она знает, я не ужинаю, чтобы не толстеть, а завтракать часто не успеваю.

– Анну Юльевну надо слушаться, – усмехнулся Андрей Валерьянович.

– Хорошо. Только за столом я проведу с вами беседу о профилактике туберкулеза, – пригрозила девушка. – Чтобы время даром не пропадало.

– Или светская беседа, или до свидания, – решил Андрей Валерьянович.

– Нет, я больше не могу истекать слюной над сковородкой. Не буду про болезни, самой надоело, – пообещала она. И опять посуровела: – Где можно вымыть руки, Голубев?

– Как вас звать-величать?

– Трифонова Екатерина.

– Ванная по коридору налево, Катенька, – направил Андрей Валерьянович.

Она виновато посмотрела на него:

– А вас как зовут? Я все по фамилии, хотя хорошая фамилия, красивая...

Андрей Валерьянович назвал. И они приступили к первому в их жизни совместному завтраку. В ходе этого начинания Андрей Валерьянович понял, как нелегко прокормить молодую здоровую женщину, которая не желает полнеть только по вечерам, видимо, в сложной связи с гипотетической перспективой секса. А Катя вспомнила о том, что приготовленный и поданный не своими руками завтрак особенно вкусен и сытен. Даже посуду потом мыть приятно – одолжение ведь, не обязанность. И в поликлинику возвращаться весело. И минералку своему доктору покупать радостно. И еще Катя почему-то решила, что никому, даже Анне Юльевне, об этом не расскажет.

После Катиного ухода Андрей Валерьянович по хорошей, красивой фамилии Голубев неожиданно возжаждал коньяку. Полез в бар за бутылкой и попутно убрал с глаз долой книгу «Жизнь после жизни», которую читал перед сном. Вид у него стал суеверно-вороватый, но он об этом не догадывался. Взглянув на часы, одернул было себя: «Раненько начинаешь, Андрей». Но не внял совету разумного, предпочел пойти на поводу у невыразимого сокровенного. «Разумное, да, но лучшее ли?» – хулигански подумал Андрей Валерьянович, наливая все-таки себе тридцать граммов. Подумал он и о том, что не мальчишка уже, норму понимает, и добавил еще двадцать граммов. Спиртное заставило душевный хронометр дать задний ход – от Кати Трифоновой Андрея Валерьяновича отделяла теперь лишь нервно спрятанная книга. Она была в моде несколько лет назад, но именно это и отвратило тогда Голубева. Общий порыв выяснить, что там, за гробовой доской, он не поддержал.

Теперь вот взялся, но пришла девочка Трифонова. И со своим источником потустороннего знания Андрей Валерьянович разобрался спешно. Привычка запойного книгочея – додумать о том, что узнал. Не ради новых сведений «употребляют», что нового может быть в книге для человека после пятидесяти, а для возбуждения собственной, все чаще норовящей зарыться в быт мысли.

Помнится, вчера Голубев решил, что пора приучать себя к неизбежности ухода из юдоли слез. Открыл «Жизнь после жизни» и умилился светлому и теплomu приему, на который, судя по свидетельствам, можно было рассчитывать на том свете. А сегодня вспомнил, что уважаемый им кардиолог Амосов, испробовав мудрости господина Моуди, тоже начал опрашивать вытянутых им собственноручно из клинической смерти пациентов. И вынес свой вердикт: ничего за проклятой чертой нет. Все – порождение части тленной плоти: гибнущего мозга, который знает нас как облупленных и о котором мы имеем смутное представление. А если два достойных умных человека высказывали по одному вопросу противоположные мнения, Андрей Валерьянович не считал делом чести выработать собственное, дилетантское. Он просто выбирал точку чужого зрения, соответствовавшую нынешнему его настроению. Но никогда не защищал ее в яростных обсуждениях с другими читающими дилетантами, чтобы не прослыть человеком без убеждений. И на случай, если его состояние изменится или опыт подтвердит чью-то правоту.

После коньяка Андрей Валерьянович исхитрился переметнуться от мнения Моуди к мнению Амосова так быстро, что приуныл – несолидно получилось. Он не умел сочетать физические действия с раздумьями. Чередовал. Поэтому в целях поддержки самоуважения ему пришлось нехотя, но в темпе порассуждать. Вот замерло сердце, но мозг еще живет, еще продолжается ток крови в органах инерцией последнего толчка. Жизнь после жизни – пять минут священнодействия реаниматолога с кардиостимулятором в руках. И, кстати, равнодушного ожидания патологоанатома. Самые страшные, истинно одинокие минуты, в которые для других ты уже труп. Мгновения, ради которых не стоит ни жить, ни умирать. И умирающий мозг выбрасывает из себя содержимое – твое прожитое, как мочевой пузырь мочу у висельников. Чего брезгливо кривиться, каждый орган отдает то, чем мы его наполнили. И приходится все вспоминать и всего стыдиться. А исправлять некогда и невозможно. Андрею Валерьяновичу показалось, что ноги и руки холодеют. Он машинально хлебнул коньяк из горлышка. «Да надо ли исправлять? – ускорил процесс согревания простой вопрос. – И обязательно ли стыдиться?»

Покосившись на пустеющую бутылку, раб анализа чужих текстов вспомнил Катю Трифонову, сидевшую напротив него за столом лицом к лицу. «Визави... Зеркало», – тихо вслух произнес он. Древнее суеверие – в глазах убитого навеки отражается убийца. И что-то в этом есть. Почему бы в глазах людей, наблюдавших тебя в неприглядном виде, тебе навеки не отразиться именно таким. Ведь они – не слой амальгамы, ты вызываешь у них ощущения и чувства. И только это, свое они ценят и запоминают. А ты потом годами смотришь в знакомые глаза, чувствуешь себя последним мерзавцем и недоумеваешь: «Вроде не обидел ничем, в чем дело?» Значит, тебе только кажется, будто ты не видишь себя со стороны. Другие видят, это и есть сторона. Встречные-поперечные создают твой образ раз и навсегда. Им плевать, что ты занимаешься своей душой, казнясь или оправдывая сделанное. Изнутри ты не такой, как снаружи. Поэтому попытки вывернуться наизнанку, говорить по душам неизбежны. И, кажется, напрасны. Но оптика – наука сложная. В одинокие минуты умирания зеркалами становятся твои собственные гаснущие глаза. И в них наконец соединяются двое: ты наружный, из отражений, и внутренний, которого так никто и не увидел. Наверное, если покопаться в физике, можно обнаружить вещи и почуднее. Но у кого, спрашивается, есть время и желание в ней копаться?

Вконец очумевший Андрей Валерьянович сообразил, что он на финишной прямой и мысленный пробег от книги к Кате завершается. Кто, защищая свое право и правоту в каком-

нибудь скандале, не ощущал себя героем или мучеником? Кто не ругал и не учил ближнего из лучших побуждений? Кто не лгал по обстоятельствам? Тут Андрею Валерьяновичу пришлось на ум, что он поторопился объявить себя чумным. Скорее, рискует заразиться. А в эпидемию чумы доктора рекомендуют побольше спирта внутрь для профилактики. Элементарные медицинские знания сделали участковую медсестру Трифонову еще ближе. Казалось, у нее с Голубевым появились общие интересы. Он вновь приложился к бутылке и уже в раже безжалостного торопливого самообличения продолжил: «Взгляни-ка теперь в глаза, в зеркала вытерпевших тебя, праведника и умника. Что видишь? Самодовольную противную морду? Театральные жесты? Напыщенный и жалкий вид. Вот, чтобы не смотреть на себя такого, каким его запомнили люди, человек и умирает. Насовсем. А душа... Она всего лишь земная привычка себя успокаивать, надеяться, фантазировать, мечтать. Секунд двадцать выключающийся мозг будет строить некие приятные планы. Он же не догадывается, что это последние минуты жизни. И либо ты выкарабкаешься из клинической смерти на двадцать первой, либо впадешь в вечный атеизм. О первом варианте кое-кому станет известно, о втором даже ты не догадешься. Итак, люди наблюдали Андрея Валерьяновича во всяких внешних проявлениях. Но он тоже не слепой, многих детально рассмотрел. Все квиты. И все смертны. Ура!

Узнай Катя Трифонова, каким рассуждениям в связи с ее согласием разделить с ним трапезу предался Голубев, она сочла бы себя подарком мировой психиатрии. Ведь с лету диагноз поставила – странный. Разве нормальный человек ляпнул бы: «Если вам будут часто писать, я повешу замок на почтовый ящик»? Разве нормальный человек, позавтракав с девушкой, станет отрицать загробную жизнь, в которую верил, на которую надеялся до завтрака? Но она не знала, поэтому на одного психиатра без чувства юмора больше на свете не стало. Все-таки у человечества множество неиспользованных поводов для радости.

«Ура» Голубева прозвучало, когда он ополовинил бутылку. Бормоча: «Надрался, как скотина, средь бела дня», – Андрей Валерьянович поплелся в спальню. Благо у него, шестидесятилетнего пенсионера, и день и ночь были в полном, не всегда мудром и умелом распоряжении. Пробудившись через пару часов, Андрей Валерьянович сказал своему отражению в обычном зеркале:

– Тебе не хочется подышать, человеке. И самонадеянности ты не нажил. Наверное, не столько боишься высшего суда, сколько сомневаешься в том, что люди ему подлежат. Тебе неприятна картина: Всемогущий Творец карает собственные напуганные, ограниченные, страдавшие творения. А они, между прочим, не по своей воле сначала родились во плоти и жили не так, как хотели смолodu, а потом освободились от плоти и всех ею обусловленных свойств личности. Поэтому ты предпочел бы совсем исчезнуть, только бы не видеть этого и не участвовать в этом.

Вообще-то, разделившись со знаменитым иноземцем Моуди с помощью алкоголя, Андрей Валерьянович почувствовал в себе силы и настроение. Куражным мужиком он был по натуре. И слишком любил жизнь, чтобы долго думать о смерти, даже если она – начало некой другой жизни. Отдохнуть Голубев собирался. Расслабиться. Ибо уже три года не знал выходных, праздников и отпусков. Всю жизнь числил он себя в бытовых алкоголиках, а на пенсии оказался бытовым трудоголиком.

Проснувшись однажды затемно, Андрей Валерьянович резко сел в кровати, включил ночник и испытал мерзкий приступ головокружения и тошноты. Он не успел помянуть матом здоровье и возраст, потому что понял, что наизнанку его сейчас вывернет не от съеденного вчера, не от содеянного за шестьдесят лет, но от увиденного сию секунду. Увидел же он свое жилище – грязное, лет двадцать не знавшее никакого ремонта, бестолково обставленное продавленной и ободранной мебелью. Он, бедняга, еще удивлялся зачистившим к нему в последнее время ночным кошмарам. Изумился бы лучше тому, что раньше спал без сновидений. Ведь каждый день видел этот зловеще острый, будто провоцирующий на неверное движение

угол комода и бугрящееся уродливыми выпуклостями кресло, воплощенную мечту каких-то культуристов-теоретиков с мебельной фабрики. Не будь Андрею Валерьяновичу так паршиво физически, он вскочил бы и топором порубил вещи в щепки. А пришлось подышать глубоко и снова заснуть.

Утро, как водится, размыло до прозрачности акварель ночных эмоций. Дом показался страшным, но не безнадежным. В Андрее Валерьяновиче пробудилось то, что так крепко почивало вчера, – нежность и любовь к своему жилью. Эти отдохнувшие чувства быстро освоились в компании тоски и раздражения. Будто ухоженные дети безбоязненно приблизились к небритым опустившимся взрослым, напоминая всем, какими те когда-то были. И Андрей Валерьянович решил изменить в квартире все, не одарив свалку ни единой безделушкой. Явилась, было, самозванкой мысль: «Для кого стараться?» Но не засела на тронном месте, чтобы царствовать и править. Потому что главным было желание стараться. Андрей Валерьянович приступил к делу, и нудная дурнушка по имени бессонница отправилась на поиски другого любителя полужночного кофе, бессистемного чтения и внутренних монологов.

За три последующих года Андрей Валерьянович Голубев навыходился в свет плотников, столяров, штукатуров и сантехников. Такой бурный образ жизни был разорителен, но занятен. Во все, что можно было сделать золотыми руками щедро опохмеленных русских алкоголиков, они вложили свою непьянеющую душу. Собственные руки Андрея Валерьяновича, вставленные еще теми для мастерового концами, окрепли и загрубели. Больше всего возни было с мебелью. Но прошло в трудах время, и сам хозяин перестал верить, что эти вещи покупал еще его дед. Округлые формы диванов и кресел в новой обивке сулили наслаждение покоем. Естественное довоенное дерево шкафов, столов и буфета манило прикоснуться к себе ладонями, а то и щекой.

У Андрея Валерьяновича хватило вкуса и сил. Он сумел терпеть и действовать одновременно. В течение трех лет он был настолько целеустремлен и хорош, что уже ощущал неодолимую тягу к дурному поступку. Например, раз представился случай проигнорировать похвальное стремление женщин из поликлиники завлечь его на флюорографию. У них будут неприятности? Но ведь обследование – дело добровольное, его личное дело. Разве можно наказывать кого-то за чужой отказ? Выбросив оставленный Катей Трифоновой листок, злодей, посмеиваясь, взялся за новый детектив.

3

Катя Трифонова повадилась бегать к рентгенологам чуть ли не каждый день. Ее подворный обход возымел действие – десяток старушек решились грудью встретить диагностическое облучение ради своего участкового доктора. Наверное, и в молодости не могли ни в чем отказать обходительным и нужным людям, авантюристски несчастные. Выслушав это предположение, Анна Юльевна сочла необходимым сдержать ретивую медсестру:

– Потерпи, Екатерина, успокойся, до отпуска неделя осталась. Нужны тебе фамилии? Новикова замолчала, значит, идет народ. Заберешь результаты в пятницу, отметишь в карточках сразу все.

– Я хочу, чтобы Голубев явился, – не сдержалась Катя. – У него почтовый ящик не запирается, так я поднялась в квартиру и вложила ему вызов в руки. Он мне обещал прийти, глядя в глаза. Я, доктор, сразу поняла, что он безответственно относится к своему здоровью. Котлеты на завтрак жарил, представляете? Ему бы паровую тефтельку на обед. Нет, надо было у него расписку взять, что получил...

– Повестку на флюорографию? – засмеялась Анна Юльевна. – И если не явится добровольно, ты его конвоируешь? Собственно, этого от нас Новикова и добивалась. Так, Голубев, Голубев, из четырнадцатого, кажется, дома. Чем он выбился из ряда, почему я его запомнила?

А, отчество какое-то редкое, как у меня. Екатерина, зачем ему паровая тефтелька? Обаятельный дяденька, симпатичный, умный, вежливый. Ни грамма лишнего жира, оптимистически настроен. Здоров, по-моему, как бык. Вот понимаю, что не может наш современник быть здоровым после сорока, фастфуд и стрессы не позволяют. Но Голубев производит такое впечатление.

– Не важно, – соврала Катя. И азартно потребовала: – Пусть еще и честным будет. Пусть выполняет, раз мы договорились.

– Может, уехал куда-нибудь срочно, – заступилась за человека, который не доставлял ей хлопот, благодарная Анна Юльевна. – У него в карточке всего одна запись двухгодичной давности. Простыл то ли на охоте, то ли на рыбалке, запустил до ларингита, помнишь? С тех пор он без нас обходился. Да и до тех пор, кстати, тоже.

– Ну и память у вас, доктор, – восхитилась Катя. И продолжила искренне гнуть свое: – Наверное, раньше он в ведомственной поликлинике лечился. Или по страховому полису с работы у частников. А теперь – наш. И пусть не обманывает. О его же здоровье заботимся.

– Екатерина, прекрати терзать меня своим Голубевым. Завтра кончается срок этой кампании, но я уже панически боюсь оставаться с тобой в одном помещении. Чего доброго доконаешь, не дашь дожить до послезавтра.

– Ладно, я сама с ним разберусь, – кровожадно пообещала медсестра.

Анна Юльевна расхохоталась. Катина газированная молодостью жажда уважения к себе со стороны пожилого пациента напоминала манию заведующей отделением, хотя девушка неумоимо ее высмеивала.

Лишь подсчет грядущих отпускных и планы их интенсивной растраты ненадолго отвлекли Катю от строптивца Голубева. А потом наступил отпуск, начало которого психологи признают весьма ощутимым стрессом для трудящегося люда. Услышав об этом от Анны Юльевны, Катя спорить по своему обыкновению не стала.

– Точно. И обморожение, и ожог по клинике – близнецы.

«Своеобразно мыслит, – подумала тогда Анна Юльевна. – Для кого-то весь мир – театр, а для нее – лечебное учреждение».

Видимо, желая облегчить себе адаптацию к заслуженному отдыху, Катя Трифонова отправилась к Андрею Валерьяновичу Голубеву выяснять отношения. Правда, их пока не существовало. Но намекни ей кто-нибудь о желании предварительно установить то, что потом можно будет выяснять, Катя обиделась бы. Она вообще часто обижалась. На всех, живущих дома, а не в общежитии. На богатых. На имеющих машины, дачи, свободное время. На замужних ровесниц. На студенток. На тех, кому есть, где поселить собаку или кошку. При такой чувствительности она категорически отказывалась возвращаться к родителям в маленький городок, в трехкомнатную квартиру. В гараже зимой дремали стараниями отца не ведающие износа «Жигули». А весной, летом и осенью на них за полчаса добирались до каркасного дачного домика, украшавшего шесть соток хорошо унавоженного песка.

Она не ходила с подружками приторговывать косметикой по выходным. Не желала делать платные уколы и массаж. «Человеческую жизнь» ей должны были обеспечить те, кто «деньги за это во власти получает». Анна Юльевна так и не смогла доказать упрямыце, что «они» делают ее жизнь сносной, исходя из своих представлений о потребностях медицинской сестры двадцати трех лет от роду. И если недовольна их мнением, а оно Катю оскорбляло, хлопочи о себе сама. «Нет, – говорила Катя, – надо заставить их ценить наш труд».

Анну Юльевну Клунину потрясло, что девчонка способна честно и старательно работать в поликлинике за гроши. Но сбежать еще в десять мест, сейчас-то, во времена одноразовых шприцев и систем, и положить в свой потрепанный кошелек вторую зарплату Катю заставить было невозможно. «Тогда не хнычь, Катька», – говорила ей Инна из процедурного кабинета, приспособившаяся ловко снимать сыр и соскабливать масло с бутербродов ветеринаров, пока-

ливая на дому больных животных. Но Катя отстаивала свое право хныкать, проклинать все и всех, мечтать о справедливом будущем и ругать прошлое с настоящим вслух.

– Мне не трудно, мне противно! – кричала Катя. – Я не хочу стричь пуделей и торговать помадой. Я не желаю пахать в поликлинике по восемнадцать часов в сутки на черт знает сколько ставок. Потому что получу все равно только на сомнительного качества еду и одежду, а умру задолго до пенсии. И это не худший выход. Ведь пенсия у меня будет крохотная. И жизнь пройдет как гроза: – любишь молнией, заслушиваешься громом, а на улицу нельзя.

Про грозу медсестрам особенно нравилось. «Выбрать бы нашу Трифонову в профком. Но мы всем отделением из профсоюза вышли, как главврач ни пугал всяким неудобствами, – вздыхали девочки. – И хочется ее, заразу горластую, заткнуть, но ведь правильно орет. Хоть и зря. Крутиться надо. А так Катка не подлая. Нельзя в наше время не свихнуться на чем-нибудь, все немного чокнутые. Пусть возмущается, тогда не забудем, что ненормально это для медиков – крутиться».

Показав себя надежной труженицей и утвердившись в неофициальном штатном расписании в должности бесстрашного критика всего подряд, Катя Трифонова принялась обдумывать свои неслужебные перспективы. Недавно двоюродная сестра, знаменитая среди родственников мудреным высшим образованием, под которое почему-то не придумали профессию, одарила ее исповедальным таким письмом. Оно взволновало Катю до немедленного ответа с таким подтекстом: все на свете сволочи, только ты – ангел, и я тоже, потому что понимаю и жалею тебя всем сердцем.

Сестра жаловалась на мужа. Парень сильно отставал в гонке с препятствиями за материальными благами. То барьер сшибет, то в яму провалится. «Я не очень-то хотела выходить за него, – покаянно рвала бумагу шариковой ручкой сестра, – но самая близкая моя подруга, тогда уже замужняя, меня уговорила. Стародевичеством запугала. С утра до вечера твердила о его достоинствах, в гости нас приглашала вместе и так радовалась любому намеку на взаимность между нами, будто война кончилась. Она была свидетельницей на свадьбе, потом нас незаметно разметало по жизни. А на днях встретила я ее. Сели, выпили вина, разговорились, как в старые времена. Лично мне казалось, что не прошло десяти лет друг без друга, поэтому я и разомлела. Рассказала, во что превратился ее блестящий протеже. Не стала бы унижаться, но болтали у меня, а моя квартира – убогий залог честности. Она всплеснула ручками в бриллиантах: «Надо же, а ведь столько возможностей подняться было, нашему поколению так повезло! Впрочем, он всегда был вяловат, безынициативен и равнодушен к деньгам. Но ты, помнится, не рассуждая, бросилась за ним, как крыса на звук дудочки. Остановить не могли». Далее шли не лишние художественности стенания о юной доверчивости, длинный перечень упущенных возможностей и богатый набор советов вроде: «Катенька, никогда никого не слушай, решай все сама. Мне горько, но смена строя в России ни при чем. И при социализме не все жили одинаково, просто не выставляли благополучие напоказ. И подруга не виновата. Себе она нормального выбрала и благословляет вон тех, кто дал «возможности подняться». Это я кретинка. Только ты будь мудра, будь умницей».

Катя, в сущности, ею и была, если только так называемая мудрость не есть один из вариантов дурости, безостановочно развивающийся от младенчества до старости в людях, склонных шагать исключительно по прямой. И она хорошо помнила сестру влюбленной и ставившей в известность об этой банальности каждый уличный столб. Жених объявлялся тогда лучшим в мире. И будущая страдальца действительно очень боялась никогда не попасть безымянным пальцем в обручальное кольцо. Ее мать, тетка Кати, призывала требовать у избранника символ верности пошире, потяжелее и подороже. «Не знаю, как там дальше все у вас повернется, – окрыляла она дочку, – но хоть раз пусть мужик в ювелирном на тебя раскошелится». А бывшая подруга, познакомив Катину сестру с парнем, говорила про любовь и секс. И учила не обращать внимания на материнские пошлости. Всего лишь.

Тем не менее Катя не одобряла самобичевания родственницы – повзрослела, нахлебалась жизни и теперь винит себя в ушедшей молодости, что ли? Она с удовольствием отгаскала бы сваху-любовельницу за волосы. Чтобы выбирала выражения и не обзывалась крысой. Чтобы не забывала, как сама дула в дудочку от нечего делать. Чтобы не махала ручонками в драгоценностях перед сопливым носом нищей невезучей бабы. Да просто чтобы легче стало.

Словом, Катя была девушкой самостоятельной и на женскую помощь не рассчитывала. А вот на мужскую – пожалуй. Катя смекнула, что общительный, напористый парень может решить все проблемы одной-двух-трех отдельно взятых женщин быстрее и успешнее, чем свора надутых политиков поправить всенародные беды. И размечталась о спутнике, которого случай выведет на орбиту ее незатейливой жизни. Именно случай, потому что осознавала, сколько денег надо, чтобы попросту завлечь какого-нибудь современного богатея. Вот так из века в век облегчают женщины участь государственных мужей и утяжеляют собственную.

Впрочем, Катина судьба пока ничем космос не напоминала. И вопрос «как живешь», туго и кругло окутывавший пустоту равнодушия, медсестричка бойко отбивала стандартным «не регулярно, но с удовольствием». Правда, неплохо было бы добавить «очень нерегулярно». Вернее, всего раз пять и спала со своим первым и единственным, любимым и ненавистным мальчиком. Но зачем разочаровывать подружек? Они и сами ввали напропалую про красавцев с иномарками. Однако ночевать все собирались к общежитским тараканам как миленькие. За год одна Людка по прозвищу Фотомодель перебралась в коммуналку к лысому молчаливому типу. Он решил, что нашел свое призвание – холить безвольными руками белую «Оку». Теперь можно было и жениться. Мужчина прокоптил небо на двадцать лет дольше Людки и вознамерился продолжать в том же духе и никак не меньше за ее счет. Так он оценил жесткий диван в своей комнате. Людка его одевала, кормила, поила на свои кровно наторгованные. Даже на бензин и автослесаря давала. Сначала приходила в общежитие плакаться, но через годик на сочувственный вопрос ответила рыком: «Хоть такого себе найдите». И перестала навещать комнату неудачниц.

На Людкино место пришла Алла Павловна, научный работник. Эта собралась перетерпеть в общежитии медовый месяц дочери. Не мешать же молодым на паре десятков квадратных метров общей площади. Не обрекать же любимое дитя на тридцать дней любви в ревнивом, недоброжелательном и придирчивом биополе свекра и свекрови в такой же однушке. Рассуждение о биополе насторожило всех – девочки, поневоле сбитые в кучу, быстро взрослеют. И они не ошиблись. Миновало уже сто восемь дней, а дочкин благоверный все не покупал особняк, на который намекал до свадьбы. Зато сменил замки во входной двери. Алла Павловна ночами плакала, а по утрам обводила отчаянным взглядом стены в обоях, на которых календарями были заклеены многочисленные грязные пятна. Потом, вперившись в искусственный член на розовой ленточке, подвешенный над одним из спальных мест, недоверчиво спрашивала, обращаясь в пространство: «Это – итог моей жизни? Это – последствия диссертации, на которую до сих пор ссылается полмира»? Соседки, если оказывались рядом, прятали глаза.

Ужаснее всего было то, что люди платили за этот оазис коллективизма в пустыне частной собственности дороже, чем за изолированную квартиру. Свою, конечно, а не съемную. Но деваться было некуда, поэтому даже Кате приходилось сдерживаться. Здесь была не поликлиника, здесь умели заставить либо говорить о том, что интересует и бодрит всех, либо молчать.

Дом Андрея Валерьяновича Голубева запомнился Кате серебристо-серыми шторами в гостиной и черным унитазом в туалете. Но моментальное решение хозяина поделиться котлетами с чужим человеком волновало ее гораздо больше. Катя часто и легко знакомилась с мужчинами, но до их кроватей не доходила. Зачем? Если уж, добиваясь секса, ни один не разорился на цветы и на шоколадку, то после можно рассчитывать только на оскорбления. В праздники и выходные, когда в общежитии особенно людно, когда на душе невыносимо гадко и хочется вкусно поесть, кавалеры исчезали. И появлялись после, отговариваясь срочными делами. Наверное,

у них были семьи. Торопливая, не раздеваясь, близость на травке за городом или в машине в подворотне, может, и была полезна с точки зрения физиологии, но не удовлетворяла. Лучшим, проверенным, вымоченным в слезах способом избавиться от занервничавшего, начавшего грубить и больно хватать за колени поклонника была просьба о какой-нибудь слегка разорительной услуге или тряпке. Пообещав или отказав, тот исчезал бесследно.

Поддерживало Катю только то, что красивые, веселые, щедрые мужчины не были сказочными персонажами. Их каждый день по телевизору десятками показывали. И не привидения, а земные женщины сплетничали с подругами в шикарных квартирах и отдыхали на райских островах от домашнего рая. Оправдывали существование косметических салонов и фитнес-клубов, разбивали «Мерседесы» и тщательно прихорашивались перед родительскими собраниями в частных школах. Катя с людьми жила и работала. Насмотрелась сериалов по телевизору, конечно. Но наслушалась-то всякого наяду. Не могли же девчонки из общаги приписывать своим одноклассницам и дальним родственницам такие удачи и победы. Себе, возможно, а им – нет.

Однажды Анна Юльевна пыталась тактично выпытать у незадачливой Трифоновой, на что, собственно, она ловит состоятельного мужчину. «Да не ловлю я», – удивилась девушка. Доктор Клунина подумала, скрытничает. И еще, если честно, что наживки действительно нет. А медсестра Трифонова никогда не смотрелась в зеркало с целью повздыхать из-за крупноватого носа. Не сравнивала свои бедра с бедрами девушек с обложек. И никогда не представляла себя звездой шоу-бизнеса в зените славы. «Каждой твари – по паре», – провозгласила Катя, таинственным образом уверившись в том, что ни внешность, ни ум, ни характер женщины не влияют на мужской выбор. Многие так себя мысленно или вслух подбадривают. Но эта странная девица так жила. Во вмешательство высших сил Катя тоже не верила. Деньги признавала катализатором мужского чувства, но не более того. Любовь с браком и сексом не путала. Романтическим истеричкам советовала: «Берите частями. Что сегодня попало, то и хорошо. Зачем вам все сразу и немедленно? Жизнь – штука длинная и пустая, ее все время надо чем-то наполнять. И не бойтесь принять одно за другое. Обознаться – самое интересное». Это высказывание даже притворявшихся романтическими истеричками проституток коробило. А Катя жила себе поживала и не собиралась наживать добра в одиночку. Пока один из приятелей, обозвав ее динамисткой, не бросил: «Я повесился бы, окажись таким неустроенным, одиноким и бесперспективным, как ты».

Парню тогда небо с овчинку казалось, его за долги запросто могли пристрелить. Вот он и позавидовал Катиной безмятежности. Стоит человеку убоиться смерти, как иссякает его терпимость к ближнему. Его непреодолимо тянет высказать все, что подумалось про людей в дурную минуту. Усилием воли, привычкой быть живым, надеждой на чудо сдерживаются с теми, от кого зависят. А с зависимыми и случайными встречающимися не церемонятся. Перед этими, даже если не умрешь нынче вечером, завтра можно не извиняться и не пытаться ничего в отношениях исправить. Словом, запаниковавший должник не пощадил Катю Трифонову.

Она обругала бы его привычным набором выражений и забыла о нем. Но, как на грех, была влюблена в этого психопата до икоты. Икала, бедная, и страстно шептала: «Вспоминает». Она истратила аванс с зарплатой на самое дорогое базарное белье и выскребала чужие кастрюльки в общежитской кухне. Она укоротила юбку. И, встретившись с ним, ждала не такого признания. Выслушала молча, и на следующий день ее, ослабленную муками, свалил грипп. Провалившись неделю на несвежих простынях, Катя отчаянно загоревала. В неуютные бессонницы она представляла себе, как поднимается в лифте со своего четвертого этажа на девятый, выходит на общий балкон, раздвигает сохнувшие на веревках трусы, лифчики и... Дальше представлять было нечего.

– Я, Кать, дважды травилась – таблетками и газом, – призналась выбранная в исповедницы Алла Павловна. – Ты только никому не говори, а то девчонки скажут: «Даже подохнуть

не может, лохушка». Они меня и так совсем не уважают. Знаешь, все что я помню – жуткие судороги в руках и ногах. А потом в больнице посмотрела, сколько нас, попытавшихся совсем уйти. С нами там психиатр работал, хоть и называл себя психотерапевтом, чтобы мы его не боялись. Здорово помог. Ты же медик, тебе не трудно будет попасть на прием к такому специалисту. Начни лучше с этого.

– Чтобы научил умирать наверняка? – засмеялась Катя.

Алла Павловна тоже заставила себя засмеяться.

Психиатра в поликлинике не было, а к психотерапевту Катя не пошла. Нуждающихся в утешении со всех участков пользовала опрятная, мягкая, разговорчивая женщина средних лет. Катя часто слышала из-за двери ее кабинета тягучую медитативную музыку. А однажды громкий диалог с пациентом:

– Вы сами будете над собой работать.

– А что вы будете делать, доктор?

– Помогать вам.

– Нельзя ли наоборот?

Девушка навела справки, и коллеги охотно рассказали ей о двух разводах, трех местах подработки и заброшенном ребенке чудесницы, бравшейся возвращать людям покой, а то и распалить жажду жизни.

С вызубренными за Анной Юльевной словами «врач, исцелился сам» Катя отправилась к экстрасенсу. И выдержала три сеанса. Сначала разобрались с какими-то семью каналами. Потом наблюдала за рамкой, медленно вращающейся над страницами толстой книги. И, наконец, молодой еще, но изможденный человек преподавал Кате науку вперёдсмотрящих, чтобы больше не спотыкалась. «Когда вы хотите есть, Катюша, вы ведь заглядываете в холодильник, а не в помойное ведро, – смело предположил он. – Вот и не копайтесь в прошлом, в свалке неудач».

– Мой холодильник пуст, мастер, – сообщила Катя, расплатилась и, проигнорировав льстивые заверения в необычности своего случая вперемешку с намеками на гибель от порчи, ушла.

Больше о самоубийстве она не помышляла. Некогда стало. Холодильник пуст! Да у нее вообще не было этого электробытового прибора. Наложить на себя руки, не обзаведясь собственным холодильником в начале двадцать первого века? Так много нельзя было требовать от Кати Трифоновой.

И вновь пришлось спешить на работу, читать письма родственников, целоваться в парках с нищим гитаристом, самонадеянно привязавшимся к ней возле дома экстрасенса и не отстававшим целых полтора месяца, завтракать у Голубева... Дались ей его котлеты! Катя уже устала подтрунивать над собой. Раньше она такой доброй девочкой была: делилась всем подряд, легко голодала, угощала друзей на последние деньги. Теперь научилась припрятывать, заначивать, врать, что у нее нет. И главное – впад в безрассудство щедрости по пьяни, долго потом жалела истраченное на других, высчитывала, как долго могла на этом продержаться сама, и старательно припоминала, много ли добра видела от окружающих. Но той, прежней, она себе больше нравилась. Не должно приглашение к столу быть событием, что бы там Анна Юльевна ни говорила про заграничную прижимистость, как бы ни призывала ей подражать, дабы не тратить время на досужую болтовню. А ведь за последний год Андрей Валерьянович Голубев был единственным человеком, угостившим Катю. Стыдно бредить едой. Однако, если дорогие колготки рвутся на второй день, если новые сапоги начинают промокать через месяц, даже если в них ходить посуху, если отказываешься не только от вкусного, но и вообще от всякого – забредишь тут.

Кате Трифоновой на пороге квартиры Голубева вдруг так жалко себя стало, что, вдавив кнопку звонка, она заплакала. И сбежать не успела – Андрей Валерьянович без промедления открыл дверь.

– Я не из-за котлет, я из-за флюорографии, – тихо прогнусила Катя и шумно разрыдалась.

Успокоилась она на плече Андрея Валерьяновича. Извинилась. Объясняться и корчить строгую рожу было глупо.

– Иди, девочка, умойся, – велел Андрей Валерьянович.

– Пойду я, – пробормотала Катя.

– Куда?

– Домой.

Произнеся это слово, Катя снова всхлипнула.

– У тебя никто не умер, не заболел? – забеспокоился Андрей Валерьянович.

– Не-е-е-ет.

Он втащил отяжелевшую в истерике Трифонову в комнату, устроил на диване, напоил валерьянкой, укрыл пледом и приказал спать. «Девочка», – запоздало и безразлично отозвалось в Кате. И на этой четкой мысли, что рядом с ним она – уже не юная – всегда будет чувствовать себя молодой-премолодой, кончилось натужное бодрствование. Медицинская сестра уснула в квартире пациента. Андрей Валерьянович Голубев долго и пристально разглядывал ее, потом пошел в кухню. Для хоть и неполного счастья этой тощей приبلуде необходимо съесть тарелку домашнего борща, решил он. Готовя, Андрей Валерьянович вспоминал то, что узнал о Кате две недели назад: возраст, место рождения и жительства, семейное положение... Собственными анкетными данными он ее, помнится, не развлекал. Итак, она снова явилась. Красивая девочка, из тех, кто хиреет без заботливого ухода. Ее все время хотелось накормить. А что делать после обеда? Напиться с ней на сей раз?

Спасительные идеи не стареют вместе со своими генераторами. Наваристый густой борщ и остатки коньяка из заветной бутылки вернули Кате настроение. А Андрею Валерьяновичу – потенцию. Почти год он не приводил в дом женщин. Последняя любовница была славной, бодрой пьяницей из жилконторы, она щедро отблагодарила его за старомодные ласки новыми батареями. Катю же и Андрея Валерьяновича сама жизнь убедила в том, что ничего лишнего в мире не происходит. Такие всегда действуют стандартно, а из этих стандартных действий всегда получается нечто несурзное, зато по-человечески доброе. Показывая Кате спальню, Андрей Валерьянович поцеловал ее. Он никогда не боялся пощечин. Но его покорило бы, узнай он причину Катиной радостной улыбки по завершении этого эксперимента. А она просто умилилась отсутствию у него во рту протезов, ибо подозревала, что его крепкие, ровные зубы не настоящие, а искусственные. В свою очередь, Катю, изумленную приятным вкусом его поцелуя, не обязательно было информировать о манипуляциях со щеткой, двумя разными пастами и зубным эликсиром после обеда.

– Я тебя хочу, – ровно, тихо, будто не желая пугать, сообщил ей Андрей Валерьянович. – Но не настаиваю.

«Еще бы», – ехидно подумала Катя. Потом отвратительная мысль о цене хлеба, ветчины, салата, борща и коньяка оттеснила ее к двери. Андрей Валерьянович не двигался и молчал. Катя потопталась у выхода и вернулась к просторной двуспальной кровати.

– Я тоже хочу, – быстро сказала она, запнувшись и решительно закончила: – тебя, Андрюша.

Он встал на колени, притянул гостью, попятившуюся от неожиданности, за талию, вернее, за то место, где она бывает у фигуристых женщин, и поднял голову. Таких незамутненных, веселых и откровенных глаз Катя никогда не видела у дотрагивавшихся до нее мужчин. Такой радостной благодарности во вновь обретшем звучность голосе тоже не слышала:

– Спасибо, любимая.

– Ты меня уже полюбил? – попыталась изобразить насмешливый тон Катя.

Но вопрос прозвучал, скорее, просительно. Она машинально смежила веки и заставила себя погладить Андрея Валерьяновича по светлым волосам. И уже с хмельной безалаберностью отметила, что они чище, мягче и гуще, чем у гитариста.

– Полюбил, – довольно серьезно ответил Андрей Валерьянович и легко встал.

Гораздо позже, ибо в постели он поспешал медленно, Андрей Валерьянович вернулся из ванной к нежившейся под одеялом Кате и, не пряча легкой нервозности, спросил:

– Как ощущения?

– Кайф, – не стала вредничать она.

– Это тебе за «Андрюшу». И за «ох, Андрюшенька», – рассмеялся он.

Катя встрепелась:

– Снова ох! Вахтерша через час уйдет дрыхнуть, я на улице ночью останусь.

– Здесь ты останешься до утра, – вздохнул, но не с сожалением, а с чем-то другим, непонятным чувством, хозяин.

– Я тогда поваляюсь? – оробела вдруг Катя.

– Конечно. На здоровье. А я займусь ужином, раз уж назвался кашеваром.

Катя представила себе завтрашние физиономии соседок по комнате. Привычный им перепихон редко завершался ночевкой у мужчины, разве что этот мужчина надрался до неспособности вызвать такси в сказочном случае или послать на метро в обычном. Она опишет им дом Голубева. И ничего не утаит про близость. Только скроет, что он на сорок лет старше... Нет, не будет она с ними откровенничать, еще сглазят.

Они с Андреем Валерьяновичем провели отличный вечер.

4

Андрей Валерьянович представления не имел, кого приласкал, что вполне объяснимо его коротким знакомством с Катей. Он словно водил ладонями по большому теплему камню. Сравнение с куском горной породы, о который больно расшибаешься, Катю насмешило бы. Но Голубеву было не до смеха. Как этот валун оказался на его пути, на что он, не поймешь. Просто, разглядывая его вблизи и трогая, уносишься мыслями в никуда и то морщишься, то улыбаешься бесчувственным лицом. Он неподъемен, а обходить его долго и трудно. Вот и топчешься на месте, где не следовало бы останавливаться. Старику было невдомек, что с точки зрения молекулярного строения камень – самая пустая штука во Вселенной. Но сравнил молодую любовницу именно с этой твердой гробящей пустотой. Катя отдала Андрею Валерьяновичу все, что у нее было, – инициативу. В постели, финансах, уборке, готовке и развлечениях. Он полагал, что отказ от этого означает женскую покорность. Выяснилось – безответственность, которая жестка и очень травмирует, когда с ней соприкасаешься. Катя была гениальна в своем единственном дурном качестве. Не то чтобы держать за что-то ответ, она и братья за него не собиралась. Не знающий наказания и есть воплощенное наказание для знающего.

– Сам-то куда смотрел? Сам не маленький! Сам нарвался...

Андрей Валерьянович возненавидел слово «сам». Катя же полюбила. В сущности, два доверчивых человека, наперегонки бросившиеся к счастью, которое на самом деле только казалось счастьем, напоролась в рывке на то, за что боролись. И если бы не врачевали друг друга рваных ран в порядке честной небрезгливой взаимопомощи, сразу разошлись бы. Не лечиться у других, а умирать от осложнений. Ибо иных лекарей рядом все не случалось и не случалось.

Катя могла бы поклясться на Библии, что любит своего поджарого сероглазого Андрюшу сильнее, чем родителей, первого мальчика, Анну Юльевну и саму себя. Неплохо было бы ей еще выяснить, что такое любовь. Андрей Валерьянович, изучивший сей предмет, признавался себе, что Катю не любит. Тем не менее только он затрагивал почти сразу переставшую смущать разновозрастных любовников тему взаимности за столом и на прогулке, в кино и постели.

Злился на себя, но отмалчиваться, подобно Кате, не мог. У кого что болит, тот про то и говорит, в общем. У подружки Андрея Валерьяновича в этом смысле был собственный недуг. Катя, считавшая, что у женщины нет проблем, которые нельзя было бы взвалить на мужчину, вменила в обязанность мужчине еще и благословлять свою ношу вслух. Млеть от восторга, выполняя приказы «юной леди». Она беззастенчиво превозносила свое появление в нудной судьбе Андрея Валерьяновича.

– Катенька, я бы только приветствовал твою самоуверенность, без нее в жизни никуда, не спи мы вместе, – старался осадить ее Андрей Валерьянович. – Если бы ты мне, слепому, читала вслух, я бы благодарил тебя с утра до ночи.

Между прочим, мог бы и куском попрекнуть, и кровом. Но Катя рядом с ним изумительно скоро забыла о возможности ткнуть в нос благодеянием. Хотя другие люди часто использовали ее в отношениях и Катя терпела, с Голубевым она взбрыкивала:

– Тебе, Андрюша, интим важнее, чем мне.

– Я постеснялся бы холодности в твои лета, – сердился Андрей Валерьянович.

– Ладно, на трахательном поприще ты великолепен, – сдавалась Катя.

– Какие, по-твоему, чувства испытывает к живущей с ним женщине импотент? – однажды самонадеянно проигнорировал дорогой комплимент Андрей Валерьянович.

– Благоговение, – не задумываясь, выпалила упрямица.

При этом вид у нее стал такой мечтательный, что Андрей Валерьянович расхохотался. Потом посерьезнел:

– Он ее ненавидит и презирает, милая.

– Заврался ты, Андрей. Но я тебя поняла. Если уж импотент – неблагодарная скотина, то нормальный мужик в сто раз наглее.

– Катя, не ровняй ты пенсионера с импотентом, и все у нас будет отлично, – мягко попросил Андрей Валерьянович.

Но девушка ничего не могла с собой поделать – солидный возраст был уродством. Ведь связью с ним она даже перед девчонками не могла похвастаться. И инвалид по возрасту должен был это понимать. Стол, дом, удовлетворение женских прихотей любого рода – плата за то, что до него снизошли, предпочли его более молодым и современным. Его одного – многим! Мало ли что с Андреем случится, старик ведь, как ни хорохорься. Разве плохо иметь под боком медика, способного оказать экстренную помощь и обеспечить профессиональный уход? На свою грядущую дряхлость работает, все честно.

Если бы о подобных рассуждениях узнал Андрей Валерьянович, он признал бы их логичными, верными, но прогнал бы мыслительницу к чертовой матери. Однако Катя озвучивала не все, что приходило ей в голову. Да и не основательными приходами это было, а, скорее, краткими набегами. Зато разглагольствовать о том, что люди пожилые погрешили как молодежи и не снилось, она позволяла себе вдоволь.

– Ты требуешь, чтобы я ушел в монастырь? – осенило однажды Андрея Валерьяновича. – Или аскетствовал в миру, одобряя любые твои выходки? Тебе только квартира нужна?

– Перестань! – закричала Катя. – Я никогда не спрашивала тебя о прежней семье или семьях. Я не пытаюсь выяснить, разведен ты или вдовец, сколько детей, внуков, племянников ждут, когда ты загнешься, чтобы воевать за наследство. Я даже не интересуюсь, приватизирована ли твоя квартира. Цени!

– Ценю, вот это ценю, – быстро признался Андрей Валерьянович и посмотрел ей в глаза.

В глазах ее сияла ярость, несовместимая с ложью кому-нибудь, кроме самой себя. Андрей Валерьянович сначала подумал о шампанском, а затем понял, что и так развеселился. Дело в том, что он никогда не был женат. И детей не наплодил – не беременели от него женщины. Так что надеждами на завещание его последняя неукротимая дурочка и могла бы тешиться. «Ладно, получишь ты от меня когда-нибудь королевский подарок и не помянешь лихом сво-

его старого Андрюшу. Ну а вариант сюрприза ты сама выбрала, когда не стала спрашивать, выяснять и интересоваться», – мысленно пообещал Кате Андрей Валерьянович. И она, будто уловив что-то, расслабленно повисла на его шее:

– Давай прекратим этот меркантильный разговор. Я довольна и возможностью отдыхать здесь от общаги. Отъедаться. Отсыпаться. Любить тебя. Это правда.

Андрей Валерьянович вознаградил ее чувствительность: достал бумажник и выдал деньги на сапоги, как и собирался еще до ссоры. Катя сухо поблагодарила. Урод вел себя надлежащим образом. Чудной, милый, щедрый ее урод. «Как странно, – подумал Андрей Валерьянович. – Где-то дают женщине на хлеб, где-то на обувь, где-то на машину. Будущие покупки разнятся в цене и качестве, но смысл один: мужик дал, баба взяла и истратила. И ощущения у всех дающих и берущих примерно одинаковые. И неизвестно, почему мне стало так тоскливо. Не жалко ведь для девочки ничего».

К родителям в этот отпуск Катя не поехала. Написала, что поучится на курсах повышения неведомой квалификации. Они не ждали телефонных звонков – дочке приходилось экономить каждую копейку. Общежитскую койку Катя тоже не бросила. Просто приходила к Андрею Валерьяновичу два раза в неделю и оставалась ночевать. Остальное время шлялась по магазинам, пристраивая по мелочи отпускные, и выговаривалась в пятиместной комнате на общественно-политические темы. Она не сразу заметила, что ее внимательно слушают. Раньше сразу велели бы заткнуться: соседок после работы хватало только на обсуждение сериалов. Катя решила, что пробудила самосознание народа. Но в женщинах бродило любопытство и желание подкараулить и не вспугнуть ее откровенность про их, про девичье. Потому что, призывая кары на головы правителей, она вытаскивала из сумки дорогую косметику. Или уходила в китайских тапочках, грозясь выступить на первом попавшемся митинге или примкнуть к близким ей по духу пикетчикам, а возвращалась в хороших импортных туфлях. Ну не на улице же такие за сочувствие идеалам раздавали.

Соседки очень быстро разобрались в Катином новом расписании и наловчились сдавать ее койку, пряча на ночь хозяйкино постельное белье. Они осторожно подшучивали и расспрашивали, но скрытная Трифонова объясняла лишь, что вроде бы подцепила на крючок собственной неординарности одного типа. Это они и сами поняли. Что не жмот, тоже. Сгоряча решили: он активист какой-нибудь партии и клюнул на Катькину политическую жилку, чем бы та ни была на самом деле. Единомыслие сближает. Спаривает даже, ведь и партийцы, и нравственно зрелые гражданки – люди, не животные. Но женщинам была нужна история, описание внешности и интерьера, цитаты. Катя же в чащобу подробностей никого вести не собиралась. Изредка угощала вином, конфетами, фруктами, вклинивая праздники в их вечные водочно-колбасные будни. И они как могли премировали ее – разрешили трепаться в надежде, что все равно проболтается о личном. Только Алла Павловна устроила некрасивую сцену, окончательно подорвав веру народа в облагораживающее воздействие научного труда на женскую личность.

– Ужаснулась бы, изменила бы свой образ жизни, пока не погрязла, пока не поздно, – вопила Алла Павловна. – Ты не базарная торговка, а медицинская сестра. Выйди замуж...

Базарные торговки ее впервые выматерили и объяснили, что стоят на торжище плечом к плечу не с занюханymi кандидатами, как она, а с докторами наук. Две самые неразвитые и пошлые, с точки зрения Аллы Павловны, девки предъявили красные университетские дипломы, а слова «математическая лингвистика» едва не лишили ее сознания. Она упомянула Бога и была проинформирована о том, что тут все веруют и в церковь ходят чаще, чем по кабакам. У Аллы Павловны серьезно поинтересовались: кто она такая, чтобы поучать их? У нее иномарка, дворец, валютный счет в банке? Ее носит на руках шикарный муж? Любит дочь? Уважает зять?

– Не смей изводить Катьку, – грозно велели в сущности спивающиеся недорогие шлюхи высокоморальной интеллектуалке. – Из нашего дерьма выбирают с двухсотой попытки. И за каждую из наших, кто преуспел, мы рады, слышишь, завистница жалкая? Водочки примем, выровняем в себе все потенциалы и радуемся, будто за себя.

– Я полагала, что она не ваша, – горько призналась Алла Павловна.

– По бабской принадлежности, по одинокому тарану с житухой – наша, – уверили ее.

– Пусть будет как вы говорите, – сказала Алла Павловна. И вдруг дернулась всем телом и заплакала: – По этим критериям и я вам не чужая.

Сразу после проявленной слабости в чужие жестокие глаза бросился ее безобразный самодельный начес, слишком теплая и темная для июльской жары юбка и отросшие, скопившие в углах уличную грязь ногти на толстых волосатых ногах.

– Да тебе до нас еще расти и расти, – сообщили ей.

«Опускаться и опускаться», – хотела поправить их Алла Павловна, но вовремя опомнилась. Все равно скоро возвращаться домой. Общежитское начальство уже «вспомнило», что она «не ведомственная». А денег на новую взятку у нее, в отличие от этих разношерстных сук, не было.

Катя опрометью выскочила из комнаты в самом начале разборки. Ей было так стыдно перед Аллой Павловной и за Аллу Павловну. И ни выбрать, ни примирить в себе это она не могла. Вновь приключилась с ней беда, которую Анна Юльевна Клунина определяла длинно и скучно: «От Трифионовой правды не добьешься». А какой правды? Анны Юльевниной? Аллы Павловниной? Правды вообще для Кати не существовало.

Андрей Валерьянович Голубев тоже с тревогой наблюдал за Катей. Такого прихотливого и причудливого отношения к людям он еще не встречал.

– Андрюш, я полпалки колбасы откромсала, девчонок угощу! – крикнула ему из кухни Катя.

– Пожалуйста. А какой сегодня праздник?

– Никакого. Наоборот, все на мели и голодные. Жалко же. Я тут обжираюсь, а у них штаны и юбки на ходу падают.

Андрей Валерьянович, пребывая в умилении от Катиной сердечности, через несколько дней кинулся к бутылке хорошего сухого вина, неожиданно возникшей в холодильнике и не оказавшейся миражом. Но был свирепо остановлен:

– Не трогай! Это для баб из общаги, чтобы не возникали из-за койки. Приезжей родственнице, видите ли, приткнуться некуда! Только на мое место! Указывать они мне повадились, где, когда и сколько раз ночевать.

И наконец, уходя как-то утром с коробкой конфет, Катя беззастенчиво ворчала при Андрее Валерьяновиче:

– Корми их, тунеядок, для поддержания добрососедских отношений, только бы не нагадили тебе со скуки. Сволочи прожорливые. Сами и хлеба на общий стол не выложат. Зато у каждой баксы в трусах зашиты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.